

А. П. НЕПОКУПНЫЙ

ЛИНГВО- И ЗООГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕЧАНИЯ К ВЗАИМОСВЯЗИ БАЛТ. *gulbis* И СЛАВ. *kъlрь*

0. Сопоставление славянского *kъlрь* с балтийским *gulbis* прочно вошло в этимологические словари и отдельные этимологические разыскания из области балтийского и славянского языкознания¹. „Несмотря на такое удивительное соотношение звуков, — писал Р. Траутманн, — разъединить балтийское и славянское слово невозможно“². Однако исследователи концентрировали свое внимание только на консонантизме этих слов, ища аналогии либо в самих балтийских языках (К. Буга), либо в балтийских, с одной стороны, и славянских — с другой (В. Махек), тогда как изучение взаимосвязи этих слов в других аспектах, в частности в пространственном, не имело места.

1.1. Прежде всего следует подчеркнуть, что апеллятив *kъlрь* встречается на тех славянских территориях, которые примыкают к Балтийскому морю. Приводя пример из верхнелужицкого, словинского, кашубского, этимологи не выделяли этого географического момента, который тем более теперь становится еще значительнее благодаря тому, что, как оказывается, в памятниках нижнелужицкого языка также известен апеллятив *kołp*³. С другой стороны, и при использовании балтийского материала также не был учтен географический фактор.

Так, М. Фасмер для сопоставления со слав. *kъlрь* приводит литовские формы *gulbis, gulbė, gulbė*⁴. Однако, форма на *-is* является не только бóльшим соответствием слав. *kъlрь*, чем форма на *-ė*, но, как можно судить по лингво-географическим данным, представляет собой и более древний вариант. С одной стороны, в пользу такого мнения свидетельствуют данные древнепрусского и латышского языков, где выступает форма на *-is*, а не на *-ė*⁵, а с другой — что для нас интереснее — и факты говоров литовского языка. *Gulbis*, как это

¹ E. Fraenkel, *Litauisches etymologisches Wörterbuch*, 1962, 175; F. Sławski *Dubrownicka nazwa łabędzia*, RSe, XXI — I (1960), 38.

² R. Trautmann, *Baltisch-Slavisches Wörterbuch*, Göttingen, 1923, 101.

³ B. Šwjela, *Dolnoserbsko-němski słownik*, Budyšin, 1961, 115.

⁴ M. Vasmer, *Russisches etymologisches Wörterbuch*, I, Heidelberg, 1953, 604.

⁵ Ср. подобный аргумент в отношении первичности *-ė-* или *-i-* в слове *bitė* в труде Я. Отрембского (J. Otrębski, *Gramatyka języka litewskiego*, III, Warszawa, 1956, § 86).

неоднократно отмечал К. Буга, свойственно жемайтскому диалекту, т.е. северо-западу Литвы, тогда как *gulbis* засвидетельствовано на восточной окраине литовской языковой территории в р-не Игналина — Тверячюс⁶. В связи с тем, что „существительные с основой на -ė- бывают вариантами существительных с основой на -i-“⁷, нам кажется уместным привести здесь слова В. Пизани, который, проверяя реальность и приложимость отдельных „норм ареалов“ М. Бартоли, в частности для изучения индоевропейских языков, „пришел к выводу, что только свидетельство „боковых ареалов“, („aree laterali“ по М. Бартоли) — я бы сказал „ареалов, отделенных друг от друга“, — может служить решающим доказательством большей древности заключенных в их границах языковых явлений в противоположность явлениям, находящимся в пределах границ „центрального ареала“⁸.

Таким образом, слав. апеллятив *kъlpъ* и балт. *gulbis* тесно связаны между собой в географической перспективе, охватывая в своих древнейших, производных формах (о славянских производных — *колпица* и т.п. см. ниже) восточные и южные окраины побережья Балтийского моря. Эта взаимосвязь имеет также интересный внешний аспект. Хотя сопоставление балто-славянского *gulbis* — *kъlpъ* с соответствующей германской основой имеет уже давнюю традицию, все же интересно здесь подчеркнуть одну ареальную особенность: именно в шведских (*galpa*) и новодатских (*galpe*) диалектах интересующая нас основа имеет значение „кричать (о птицах)“⁹. Следовательно, к восточной и южной окраине Балтийского моря с семантической точки зрения присоединяется еще и его западное побережье, что вновь напоминает о теоретических возможностях создания атласа языков бассейна Балтийского моря, о чем мы уже имели возможность попутно высказаться еще раньше¹⁰.

1.2. При всем сказанном исследование *gulbis* — *kъlpъ* на уровне апеллятивов, как и вообще изучение диалектной лексики, затрудняется прежде всего сложностью их привязки к той или иной территории¹¹. По самой своей природе большей локализацией обладают географические названия, и поэтому их размещение может быть косвенным „свидетельством“ о распростра-

⁶ Lietuvių kalbos žodynas, III, Vilnius, 1956, 706.

⁷ J. Otrębski, указ. соч., там же.

⁸ В. Пизани, Общее и индоевропейское языкознание (перевод Б. В. Горнунга), „Общее и индоевропейское языкознание“, Москва, 1956, 114.

⁹ J. de Vries, Altnordisches etymologisches Wörterbuch, Leiden, 1962, 170.

¹⁰ См. А. П. Непокупный, Ареальные аспекты балто-славянских языковых отношений, Киев, 1964, 33—34.

¹¹ В ближайшее время можно рассчитывать только на кашубский диалектный атлас, в котором предусмотрен специальный вопрос: „46. *kolp* (слово и значение)“ (См. Atlas językowy kaszubszczyzny i dialektów sąsiednich, tom wstępny, Wrocław — Warszawa — Kraków, 1964, 31).

нении, хотя, возможно, в более раннее время, соответствующих апеллятивов. В качестве примера можно указать на оторванный от основного массива славянских названий от *kъlрь* гидроним в районе дельты Волги (см. карту) и апеллятив *колник* с пометой „диалектное астр<а>х<анское>“ в словаре А. Г. Преображенского¹². Вместе с тем ономастическая география выражает апеллятивную (по крайней мере на нашей карте — см. территории ГДР и Польши), видимо, с некоторым преувеличением, причем в основном за счет топонимов, ареал которых шире, чем гидронимический. Это положение можно считать справедливым для всей южной окраины рассматриваемого ареала (т.е. и на территории Украины и РСФСР).

В целом можно сказать, что общий ономастический ареал названий, производных от *kъlрь*, широкой дугой охватывает область географических наименований от *gulbis*, обнаруживая, хотя и с большим разбросом, ономастическую связь между славянскими и балтийскими территориями, подобную той, которую мы выше наблюдали в апеллятивах. Более того, южная и в значительной мере восточная окраины рассматриваемого ономастического ареала весьма близки к соответствующим границам древнего расселения балтийских племен¹³.

1.2.1. Однако исследование данного ономастического ареала интересно не только с точки зрения сопоставления с ареалом апеллятива, но и в плане выявления и противопоставления друг другу отдельных его частей, что находит свое выражение в суффиксации.

Западно- и восточнославянская части ареала названий от *kъlрь* обнаруживают в этом отношении довольно существенные различия. Так, на территории Польши и ГДР встречаются названия только на *-ин/-ино*, тогда как на Украине, в Белоруссии и РСФСР наблюдается большое разнообразие в суффиксальном оформлении рассматриваемой основы, а суффикс *-ин* встречается только в сочетании с суффиксом *-ка*: *Колп-ин-ка* (11 примеров). Особый интерес вызывает отмеченный в восточнославянской зоне суффикс *-ита*, который, по мнению В. Н. Топорова и О. Н. Трубачева, является балтийским по происхождению¹⁴. По-видимому, еще одним аргументом в пользу

¹² А. Г. Преображенский, Этимологический словарь русского языка, I, Москва, 1910–1914, 339.

¹³ См. в частности, T. Milewski, *Zarys jezykoznawstwa ogólnego*, II, zesz. 2, Atlas, Lublin—Kraków, 1948, карта 38: „Языки Европы и Передней Азии в 350 г. н.э.“.

¹⁴ В. Н. Топоров, О. Н. Трубачев, Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья, Москва, 1962, 132. К высказываниям авторов о неславянском характере этого суффикса в Поднепровье полезно присоединить мнение В. Георгиева о неславянском (фракийском) происхождении гидронимов на *-ита* в Болгарии (В. Георгиев, Българска етимология и ономастика, София, 1960, 36).

такой характеристики может быть география гидро- и топонимов, образованных от *kъlрь* с помощью *-ит(а)* (см. карту): она намечает контуры области распространения балтийских элементов в гидронимии Верхнего Поднепровья¹⁵.

2. Побережье Балтийского моря является областью распространения лебедя-шипунa (*Cygnus olor*) (см. карту). Таким образом, именно к этому виду лебедя в первую очередь должен относиться апеллятив *gulbis-kъlрь*. Вместе с тем и другой вид лебедя – лебедь-кликун (*Cygnus cygnus*), живущий в области таежных лесов и тундр Европы, проводит свои зимовки, в частности, и на Балтийском море¹⁶. Следует отметить, что программа кашубского лингвистического атласа адресует свой вопрос о *kolp* именно к виду *Cygnus cygnus*¹⁷. Очевидно, в народной речи оба вида лебедя лексически не дифференцируются.

Более сложными являются случаи, когда основа принимает различные суффиксы и название, производное от этой основы, переносится на птиц, принадлежащих к другим классификационным единицам. Примером этого может быть колпица, (*Platalea leucordia*), что распространена на Балканах и в северных окрестностях Черного и Каспийского морей¹⁸, однако в середине XIX в. еще гнездилась в Белорусском Полесье¹⁹, т.е. в районе, охватываемом ареалом названий производных от *kъlрь* (см. карту)²⁰.

Точно также и суффикс *-ик* в уже упомянутом апеллятиве *колпик* не имеет деминутивного значения относительно „лебедя“.

Одна и та же основа используется в языке для образования названий различных птиц, и это обстоятельство весьма затрудняет взаимно однозначное сопоставление данных лингво- и зоогеографии.

3. Несмотря на то, что изучение названий птиц предусматривается программами диалектологических атласов балтийских и славянских стран, их сопоставительное изучение остается еще только делом будущего. Достаточно, например, указать на то, что в латышской и литовской диалектологических программах совпадает только один „орнитологический“ вопрос (из

¹⁵ См. там же, приложение, карта 2.

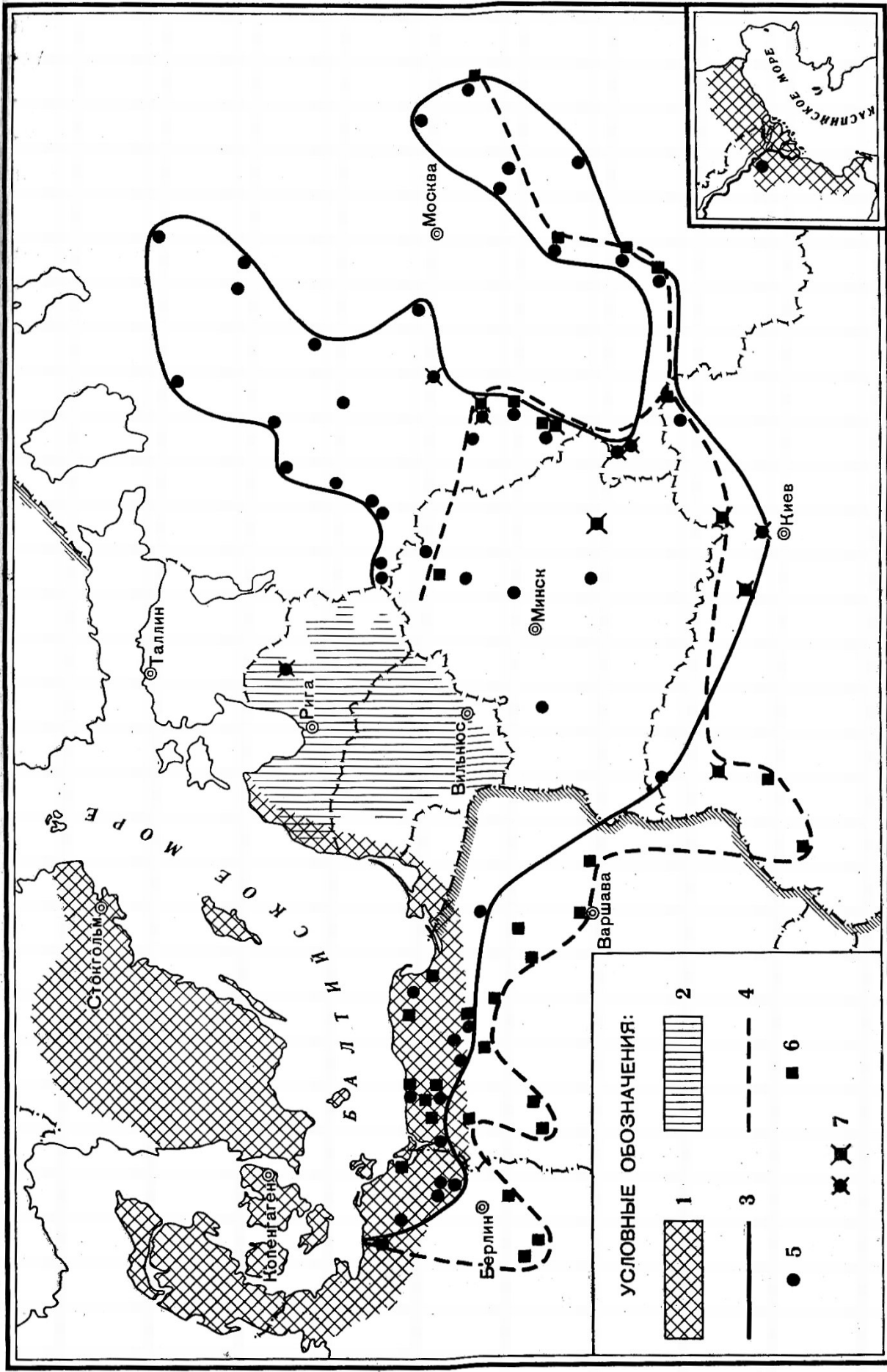
¹⁶ М. А. Воинственский, Птицы степной полосы Европейской части СССР, Киев, 1960, 49.

¹⁷ См. ссылку 11, там же.

¹⁸ См. К. Н. Voous, Atlas van de Europese Vogels, Amsterdam—Brussel, 1960, карта 32.

¹⁹ См. М. С. Долбик, Птицы Белорусского Полесья, Минск, 1959, 117.

²⁰ В связи с этим следует уточнить и указание в упомянутом этимологическом словаре М. Фасмера, что *колпица* обозначает „молодую женскую особь лебедя (*Schwanenjungfrau*)“ (стр. 604). Возможно, что первоначально только так и было, однако в дальнейшем название было перенесено на другую птицу.

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ:

- 1 [Cross-hatch pattern]
- 2 [Vertical line pattern]
- 3 [Solid line]
- 4 [Dashed line]
- 5 [Black dot]
- 6 [Black square]
- 7 [Cross symbol]

НАЗВАНИЯ ОТ БАЛТИЙСКОГО *gubis*, СЛАВЯНСКОГО *къръ*

1 — распространение лебедя-шпиуна (*Surgus olug*); 2 — ареал названий от балт. *gubis* на территории Латвии и Литвы; 3, 4 — ареалы названий от слав. *къръ*: гидронимов (3), топонимов (4); 5 — гидроним; 6 — топоним; 7 — названия с суффиксальным элементом *-ит-/-ѣта*

соответственно 7 и 5 вопросов о наименованиях птиц) — столько же, как и каждая из этих программ имеет общего в этом отношении с программой Общеславянского лингвистического атласа. Вместе с тем общность орнитофауны ряда балтийских и славянских территорий (и в первую очередь — смежных) представляет собой надежную основу для сопоставительного изучения названий птиц в обеих группах языков²¹.

В общетеоретическом плане такие исследования, развивая положение о перспективности союза этимологии и лингвистической географии²² и присоединяя к ним данные других „географий“, в частности зоологической, смогли бы много дать для создания, по выражению Б. А. Серебренникова, комплексной ареальной науки.

Источники карты

- K. H. Voous, Atlas van de Europese Vogels, Amsterdam—Brussel, 1960.
J. Endzelīns, Latvijas PSR vietvārdi, I (1), Rīgā, 1956.
Lietuvos TSR administracinis-teritorinis suskirstymas, Vilnius, 1959.
Lietuvos TSR upių ir ežerų vardynas, Vilnius, 1963.
Die beiden deutschen Staaten. Taschenatlas, Gotha, 1962.
E. Eichler, Beiträge zur altsorbischen Lexik (II. Appellativa im altsorbischen Namenschatz), „Lětopis Instituta za serbski ludospyt“, A, 11/1, 1964.
R. Trautmann, Die Elb- und Ostseeslavischen Ortsnamen, II, Berlin, 1949.
K. Ślaski, Podziały terytorialne Pomorza w XII—XIII wieku, Poznań, 1960.
G. Leyding, Słownik nazw miejscowych okręgu Mazurskiego, II, Poznań, 1959.
Skorowidz do mapy Polski w podziale 1:500 000, Warszawa, 1958.
Wörterbuch der Russischen Gewässernamen, herausgegeben von Max Vasmer, Lf. 5, Berlin—Wiesbaden, 1963.
Топонимическая картотека Института литовского языка и литературы АН Литовской ССР (Вильнюс).
Ономастическая картотека Института языковедения им. А. А. Потебни АН Украинской ССР (Киев).

²¹ См., в частности, G. P. Klepikowa, Isoglosses of the slavic names of the bird „cuculus canorus“, „Mélanges linguistiques offerts à Emil Petrovici“ („Cercetări de lingvistică, III, Suppliment), București, 1958, 249—256.

²² См. H. Kuen, Die Sprachgeographie als Helferin der Etymologie, „Etymologica, Walther von Wartburg zum siebzigsten Geburtstag“, Tübingen, 1958, 455—475; О. Н. Трубачев, Лингвистическая география и этимологические исследования, ВЯ VIII (1959), № 1 16—33.

**SPRACH- UND TIERGEOGRAPHISCHE BEITRÄGE ZU DEM
ZUSAMMENHANG DES BALTISCHEN *gulbis* UND SLAVISCHEN кѣльбъ**

Z u s a m m e n f a s s u n g

Die in den etymologischen Untersuchungen verglichenen baltisches *gulbis* und slavisches *кѣльбъ* „Schwan“ werden in geographischer Hinsicht betrachtet: als Appellativen einerseits und Gewässernamen andererseits. Dabei nutzt man die Angaben der Tiergeographie aus. Zum Schluß wird ein enger Zusammenhang der genannten Wörter unterstrichen und ein Gedanke über die Notwendigkeit der komplexen arealen Untersuchungen ausgesprochen.